тов и намеревающейся провести амнистию нелегалов, не будет понята мигрантами, стремящимися к легальной жизни в чужой стране.

Следует подчеркнуть, что в Россию потянулись мигранты главным образом из бывшего СССР. В сущности, это «свои» мигранты, переместившиеся из одних частей бывшего Советского Союза в другую его часть. Тем не менее они, конечно, нарушили межэтническое равновесие, что и вызвало у титульного этноса реакцию, особенно заметную в местах скопления мигрантов, которую мы определили как «кризис идентичности политической нации». Он проявился в «бунте» массового сознания, усиленном общим социальным хаосом начала 1990-х годов, – обострении ксенофобии и других примет упрощенного, «черно-белого» восприятия мира. Сейчас этот кризис носит вялотекущий характер. Реальная встреча России с «планетой мигрантов» и связанные с ней проблемы и противоречия еще впереди.

Однако политика целенаправленного преодоления взаимного отчуждения России и «планеты мигрантов» нужна уже сегодня. И суть ее – именно либерализация, иначе вести диалог невозможно. Добровольные мигранты в подавляющем своем большинстве – предприимчивые и свободные люди, и они едва ли станут осаждать страну, в которой права гражданского общества, в том числе частного бизнеса, сильно урезаны, а власть меняет «правила игры» по своему усмотрению.

Руководство страны должно осознать, что мигранты в современном мире представляют важнейший социально-экономический ресурс; более того, отношения взаимного отчуждения коренного этноса и мигрантов нетерпимы по соображениям национальной безопасности. Сегодня страна, которая открыта и привлекательна для мигрантов, в большей степени адаптирована к «подвижной» мировой миграционной среде и находится в большей безопасности. Поэтому необходим переход к соответствующей миграционной политике – комплексной, трудной и терпеливой. Она уже не может быть просто одним из направлений государственной политики, но должна стать одним из приоритетов государственного управления. К этому подталкивает трансформация мирового социума в «планету мигрантов».

Литература

1. *Малкин В.* Другой народ // Ведомости. 2006. № 179 (25 сентября).
2. *Simon J.L.* The economic consequences of immigration. Oxford, 1989. P.11.
3. Newsweek special issue. 1999. December. P.58.
4. *Валентей С.Д.* Три вызова России // Федерализм. 2000. № 4. С.23.

Орловское дворянство на государственной службе

Марина ЛАВИЦКАЯ – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловской региональной академии государственной службы, докторант кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

Государственная служба на протяжении XIX – начала XX вв. являлась основной социальной функцией и привилегией дворянского сословия, которое в отличие от других сословий имело право свободного волеизъявления при поступлении на службу государства.

Вопросы социальной и должностной инфраструктуры российского служилого дво-

рянства частично освещались в отечественной историографии в работах А.П. Корелина, П.А. Зайончковского, Л.Е. Шепелева и др. [1], но региональные аспекты этой темы практически не изучались. Обратимся к проблеме положения дворянства Орловской губернии на государственной службе в пореформенный период российской истории и попытаемся выявить динамику его численности, продвижение по службе, образовательный уровень, имущественное состояние, место и роль разных групп дворянства губернии в составе чиновников и канцелярских служителей*.

По сложившейся традиции под «чиновничеством» подразумеваются как собственно чиновники, т.е. лица, имеющие классный чин и состоящие на государственной службе, так и канцелярские служители [2]. Всего на гражданской службе состояло 55% всех дворян губернии. По нашим подсчетам, в конце XIX в. в губернии было около 600 классных гражданских чиновников. Учесть общую численность служащих орловских дворян весьма сложно, так как некоторые служили вне губернии.

Представление о распределении чиновничества по группам классов дает таблица 1.

Для Орла XIX – начала XX вв. характерным было соответствие должности губернатора и градоначальника IV классу; вице-губернатора, товарища прокурора, земского начальника, председателя судебной палаты – V; председателя управы, советника губернского правления, начальника отделений в местных учреждениях – VI, а губернских стряпчих, чиновников по особым поручениям – VII классу. Наконец, в провинциальных учреждениях должности, имевшие сколько-нибудь самостоятельный характер (становых приставов, столоначальников, письмоводителей, смотрителей, секретарей), соответствовали IX – XIV классам.

Более половины гражданских чиновников имели низшие «обер-офицерские» чины, третья часть – «штаб-офицерские» чины, и только 1,7% составляли чиновники первых четырех классов по «Табели о рангах».

Численность гражданских чиновников вдвое превышала численность чиновников из числа бывших офицеров, вышедших в отставку и занимавших гражданские должности. Следует отметить, что дворяне, имевшие военные чины на конец XIX в. по губернии,

Таблица 1. Распределение орловских дворян по классам на гражданской службе.

Классы	Гражданские чины	Число дворян	% от общего числа гражданских чинов дворян
III	тайный советник	1	0,2
IV	действительный статский советник	8	1,5
V	статский советник	31	5,8
VI	коллежский советник	32	6,0
VII	надворный советник	52	9,8
VIII	коллежский асессор	53	9,9
IX	титулярный советник	83	15,6
X	коллежский секретарь	100	18,8
XII	губернский секретарь	103	19,3
XIV	коллежский регистратор	70	13,1

Источники: Формулярные (послужные) списки (ГАОО. Ф.4; РГВИА. Ф. 409); штатные расписания (ПСЗ – I. Т. 44. Кн. 2. №20099, 20143; ПСЗ – II. Т. XIV. Отд. 2. №12169; Т. XX. Отд. 2. №18580, 18608; Адрес – календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. СПб., Б.г., Ч. 1-2.

* В исследовании использовались материалы Государственного архива Орловской области – ГАОО (фонда 4 – Орловского губернского правления и фонда 580 – Канцелярии орловского губернатора) и Российского государственного военно-исторического архива – РГВИА (фонда 409 – Формулярные (послужные) списки 1850 – 1905 гг.).

составляли около 250 человек, или 24% от всех дворян. Наиболее многочисленным было дворянство, состоявшее в обер-офицерских чинах (от капитана до прапорщика). Оно превышало 79% от общего числа бывших военнослужащих дворян губернии.

Основная масса дворян из бывших военнослужащих прежде состояла на службе в армейской пехоте и артиллерии и занимала с VIII по XII классы. Отставных гвардейских офицеров в губернии было немного. Группа штаб-офицеров («старших офицеров») в Орловской губернии составляла около 16%. Среди них дворян, имевших чин полковника – 12 человек (5,2%), подполковника – 15 человек (6,4%), майора – 6 человек (2,6%). Данная группа дворян соответствовала VI – VIII классам «Табели о рангах».

Бывших генерал-лейтенантов, служивших по гражданскому ведомству и занимавших III класс, было зарегистрировано только двое, что составляло менее 1%, а бывших генерал-майоров (IV класс) – 7 человек, или 3%. Дворян-чиновников по гражданскому ведомству, имевших чин гвардии полковника (VI класс), на Орловщине было 5, что составляло чуть более 2%. Таким образом, орловское дворянство было представлено на всех уровнях чиновничества, хотя и в разной степени.

Анализ данных о возрасте служащих дворян [3] свидетельствует, что большая часть местной бюрократии принадлежала к лицам молодого и среднего возраста. В орловской администрации чиновники не старше 50 лет составляли 92,1%. Среди чиновников, находившихся на классных должностях, преобладали лица от 21 до 36 лет. В орловских учреждениях их было 71,9%. Лица старше 60 лет в Орле составляли всего 1,4%. Так, чиновник VI класса, полковник Ф.Н. Хитрово занимал должность советника Орловского губернского правления в 71 год [4].

Высшие должности (I разряд) в системе местных органов государственного управления занимали лица, начиная с 36-летнего возраста. Генерал-майор, граф Н.В. Левашов был назначен на должность орловского губернатора в 36 лет. Чиновники 36-50 лет в орловских учреждениях составляли 50% от общей численности табельных чиновников этого разряда. Более 2/3 средних должностей в губернской администрации (II разряд) занимали лица не старше 50. На самых низших табельных должностях (III разряд) служили чиновники, в большинстве принадлежавшие к молодым возрастным группам. Служащие моложе 36 лет составляли 78,3%, от 36 до 50 лет включительно – 16,7%.

Самую молодую категорию губернской дворянской бюрократии представляли канцеляристы (IV разряд). Служащие до 36 лет в Орле занимали 89,7% всех канцелярских должностей. Канцелярские служители старше 50 лет составляли редчайшее исключение (1,6%). Очевидное преобладание среди канцелярских служащих лиц молодого возраста объясняется тем, что должности копиистов, протоколистов и т.п. являлись лишь начальной ступенью чиновной службы, через которую должна была проходить основная масса только что вступивших на это поприще.

Общий итог анализа возрастных данных губернских служащих можно сформулировать так: примерно от 1/2 до 2/3 всех табельных должностей в системе местных гражданских учреждений занимали лица в возрасте между 21 и 36 годами. Удельный вес государственных служащих старше 36 лет был невелик. Но именно эта возрастная категория составляла ядро бюрократии, стоявшей у руля губернской администрации.

Остановимся на образовательном цензе губернских дворянских чиновников [3]. Среди служащих дворян государственных учреждений Орловской губернии высшие учебные заведения окончили 7,2%; 23,6% имели среднее образование; 12,4% – начальное; 13,7% получили домашнее образование. Следовательно, законченное высшее и среднее образование имели менее 1/3 (30,8%) всех чиновников, служивших на классных должностях. Среди канцелярских служащих орловской администрации высшее образование имели всего 3,4%, сред-

нее – 27,3%, низшее – 23,1%, домашнее – 9,4%. Довольно низкий уровень образования служащих орловской администрации объясняется невозможностью для жителей провинции (например из-за материальных затруднений, неудовлетворительной домашней подготовки) получить образование в столицах, что вынуждало часть из них проходить курс обучения в местных учебных заведениях, количество которых было явно недостаточно и не могло удовлетворить растущие потребности населения в получении систематического образования. В столичных городах, как правило, получали образование наиболее состоятельные представители провинциального дворянства.

В орловской администрации высоким был удельный вес служащих, получивших неполное (высшее или среднее) образование. Так, в орловском аппарате управления они составляли: в I – III разрядах – 43,1%, в IV – 35,9%. Другими словами, более 1/3 служащих орловской администрации по разным причинам (неуспеваемость, болезнь, непосильная плата за обучение и т.п.) не закончили полного курса обучения в высших и средних учебных заведениях.

Среди верхов губернской бюрократии (I разряд) ровно половина чиновников имели высшее образование. Высшее образование было у вице-губернатора Н.П. Безобразова и советника губернского правления Н.В. Трубицына. Первый окончил Институт инженеров путей сообщения, второй – Московский университет.

Среди чиновников II разряда лица с высшим образованием составляли 18,1%. Среди служащих III разряда преобладали лица, не получившие систематического образования. В орловских учреждениях на их долю приходилось более 2/3 (70,3%) всех учтенных чиновников. Низкий образовательный уровень чиновников IX – XIV классов объясняется превалированием здесь представителей неимущих сословий, не имевших достаточных средств для получения систематического образования.

Итак, наиболее высокий образовательный уровень имели представители той части губернской бюрократии, в руках которой находились средние и высшие звенья управления. Дворянское государство, предоставляя право выпускникам высших учебных заведений получать чины IX – XII классов, обеспечивало более быстрое их продвижение по служебной лестнице. Представители высшего сословия получали при этом особые преимущества (сокращенные сроки чинопроизводства).

Важнейшей социальной характеристикой дворянских чиновников губернских учреждений является их имущественное положение, главный критерий которого составляет землевладение как основной показатель материального состояния дворянства. При установлении размера собственности все ее виды (родовая, благоприобретенная, собственность жен и родителей) рассматриваются как единое целое – владение служащего.

Проанализируем данные о наличии земельной собственности у чиновников – дворян. Из учтенных нами 44 потомственных дворян владельцев имений насчитывалось немногим более половины – 25 человек (56,8%). 19 чиновников (43,2%) являлись беспоместными дворянами. Лишь у троих были частные дома. В орловской администрации почти 1/5 часть всех чиновников-помещиков (18,2%) составляли мелкопоместные дворяне. 7 дворян (15,9%) располагали имениями от 100 до 1000 дес. земли. 10 чиновников-помещиков (22,7%) принадлежали к категории крупных землевладельцев. Таким образом, среди орловских дворян-чиновников доминировали средние и крупные землевладельцы. Они составляли более половины всех помещиков, служивших в губернской администрации.

Анализ данных о распределении земли среди чиновников-дворян по разрядам показал, что в орловских учреждениях помещики преобладали не только в I и II разрядах (здесь они составляли соответственно 66,7 и 71,4% всех дворян), но и в незначительном количестве (всего на 2 человека) в III, составляя почти 53% от общего числа чиновников-дворян. В Орловской губернии

крупных дворян-землевладельцев, обладавших имениями свыше 1000 дес. земли, было больше лишь в I разряде; во II они составляли уже менее половины (40%), а в III – ровно 1/3 (33,3%) от всего числа чиновников-помещиков.

Исследование имущественного положения служилого дворянства позволяет утверждать, что «костяк» губернской бюрократии во второй половине XIX в. составляли средне- и крупнопоместные дворяне, которые прочно удерживали руководящие посты в среднем и высшем звеньях губернского аппарата управления (табл. 2).

Таблица 2. Имущественное положение орловского служилого дворянства.

Количество десятин земли	Владельцы имений	
	Число	Процент
до 100 дес.	8	32
100 – 1000 дес.	7	28
свыше 1000 дес.	10	40
Итого	25	100

Источники: Памятные книжки Орловской губернии за 1860-1905 гг.; формулярные списки (РГВИА. Ф. 409; ГАОО. Ф. 4).

Среди служивших на самых низших ступенях бюрократической лестницы – канцелярских служителей в классных рангах и без них (IV разряд) – большинство принадлежали к беспоместным дворянам.

Доля служащих, не имевших никакой собственности в Орле, составляла 58,3% от общей массы чиновников-дворян, т.е. была выше, чем у табельного чиновничества на 15,1%. В Орловской администрации среди канцеляристов доминировали мелкие и средние помещики. На их долю приходилось 30,5% всех чиновников-дворян, крупнопоместные составляли не более 11,2%. Крупными земельными собственниками были служащие Канцелярии орловского губернатора Г.В. Офросимов и Н.М. Хрущов. Родители первого на 1898 г. владели 1465 дес. земли [5], второго – 2245 дес. [6] Очевидно, что канцелярские служители, как и табельное чиновничество, в имущественном отношении (размером землевладения) дифференцировались.

Таким образом, почти половина дворян, занимавших табельные должности, и более половины канцелярских служителей не имели никакой земельной собственности, т.е. не являлись помещиками. Этот слой губернского чиновничества, потерявший связь с землевладением, все более обособлялся от поместного дворянства, приближаясь по своему статусу к весьма пестрой по социальному составу массе губернской бюрократии. Развитие буржуазных отношений приводило к изменению внутренней природы дворянского сословия и, в частности, к имущественному обнищанию и имущественной дифференциации, сокращению доли помещичьего элемента в государственном аппарате.

Исследование положения, численности и состава чиновничества во второй половине XIX – начале XX вв. дает возможность сделать некоторые выводы.

Орловское дворянское чиновничество дифференцировалось в основном по двум показателям – имущественному цензу и образовательному уровню. При исследовании состава губернской бюрократии бросаются в глаза различия между чиновниками, занимавшими классные должности, и канцелярскими служителями.

В составе орловского губернского чиновничества можно выделить две группы, различающиеся по своему социально-экономическому и политическому положению. Одна – верхушка губернской администрации – обладала огромной властью и относительной самостоятельностью, материальное благосостояние этой группы было основано на высоком жалованье. Одновременно подавляющее большинство группы местного чиновничества владело средними и крупными поместьями, что обеспечивало им стабильность положения. Другая – мелкие и средние государственные служащие, для кого основным источником дохода было более чем скромное жалованье. Как правило, это были мелкие помещики из потомственных дворян и личные дворяне, кого можно было бы назвать потомственными чиновниками.

Значительную часть чиновников составляли бывшие военнослужащие, вышедшие в отставку. Средне- и крупнопоместные дворяне, занимавшие руководящие посты аппарата управления, представляли собой силовую основу губернской бюрократии второй половины XIX в.

Литература

1. *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978; *Корелин А.П.* Дворянство пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979; *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991.
2. *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С.4.
3. ГАОО. Ф.4; РГВИА. Ф.409 (формулярные списки).
4. РГВИА. Ф.409, П/с 117-954 (1899 г.).
5. РГВИА. Ф. 409. П/с 113-147 (1899 г.).
6. ГАОО. Ф.580. Д. 1548. Л. 7.

Роль образовательной среды в социализации личности

Марина КАТИЛИНА – соискатель кафедры философии РАГС

Системные реформы, проводимые сегодня в России, определяют новые принципы функционирования экономических, социальных и политических институтов, что приводит к изменению социальных норм, регулировавших жизнедеятельность социума в прошлом. Следствием этого становится существенное изменение общепризнанных ценностей и нормативных стандартов поведения, что влечет за собой дестабилизацию отношений как в самом обществе, так и между ним и государством.

В период трансформации общества большинство социальных институтов уже не выполняют ту роль по формированию личности, с которой они успешно справлялись в социально стабильной среде. Зачастую их заменяют новые образования, имеющие явно антисоциальную направленность. В связи с этим перед государством встает вопрос: как способствовать восстановлению прежних институтов социализации в новых быстро меняющихся условиях?

Следует подчеркнуть, что в России имеется положительный опыт выработки и применения способов социализации, основанный на использовании методов советской системы воспитания, например формирование коллективных форм жизнедеятельности, обучение жизни в строго регламентированных условиях и т.д. Но человек, воспитанный в рамках социализма, не может без изменения войти в рыночное постиндустриальное общество, на него оказывают влияние различные социальные институты, которые претерпели значительные изменения.

Социально значимыми институтами являются государство, семья и школа. Сегодня семья явно не обладает значением, которое имела в предшествующую эпоху; у нее недостаточно ресурсов для того, чтобы подготовить молодого человека к вступлению в жизнь. Кроме того, сохраняя общественные традиции, семья зачастую слабо ориентируется в новой обстановке.

Приходится констатировать, что в настоящее время практически утрачена воспитательная социальная направленность подростковых общественных организаций. Вновь созданные объединения не имеют глубоких культурных корней, не сформировано их отношение к нормам общественной жизни. Все это вынуждает молодежь и подростков уходить на «улицу», в ненормативные субкультуры.

Поэтому необходим социальный инсти-